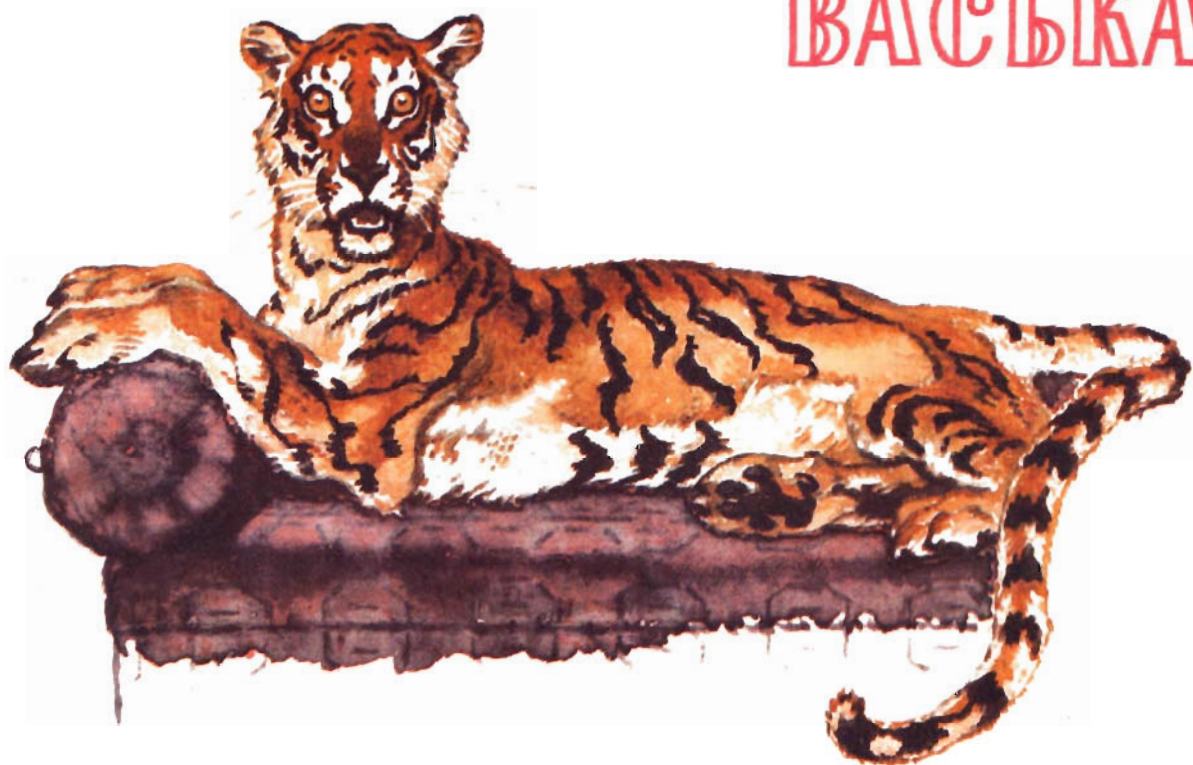

О. ПЕРОВСКАЯ

ТИГРЁНОК ВАСЬКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ЧИТАЕМ САМИ

О. ПЕРОВСКАЯ

ТИГРЁНОК ВАСЬКА

РАССКАЗЫ

Рисунки И. ГОДИНА

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

К читателям

Ольга Васильевна Перовская — автор нескольких книг для детей: «Ребята и зверята», «Джан — глаза героя», «Мармотка» и др. Совместно с писателем Г. Е. Замчаловым, погибшим во время Великой Отечественной войны, ею были написаны книги «Остров в степи» и «Золотое руно».

Рассказы о тигрёнке Ваське и собаке Райте взяты из книги «Ребята и зверята», посвящённой детству писательницы, большой дружбе ребят с их четвероногими товарищами.

Перовская О. В.

П27 Тигрёнок Васька: Рассказы/Переизд. Рис. И. Година.— М.: Дет. лит., 1984.— 32 с., ил.— (Читаем сами).

5 коп.

В книгу вошли рассказы известной писательницы О. Перовской о дружбе ребят с животными.

П 4803010102—207 372—84
М101(03)84

P2

ТИГРЁНОК ВАСЬКА

Мы играли в саду за домом, когда вернулись охотники. С террасы закричали:

— Бегите скорей, посмотрите, кого привезли!
Мы побежали смотреть.

По двору, описывая круги перед крыльцом, проезжали одна за другой телеги. На них были шкуры зверей, рога диких коз и кабаньи туши. Отец шагнул у последней телеги, а на ней, на передке, сидел, сгорбившись и озираясь по сторонам, тигрёнок. Да, да, самый настоящий, живой тигрёнок! Усталый, покрытый пылью, он ухватился когтями за край телеги и так протрясся по всему двору. А когда лошадь оста-

новилась перед крыльцом, где стояло много людей, он испугался и попятился назад.

— Ну, вот и приехали, Васька,— сказал ему отец.

Он взял тигрёнка на руки и отнёс его на террасу.

Тигрёнок был такой необычный, что мы все немножко растерялись.

— Не надо его на террасу! — закричала Наташа, самая маленькая из нас.— Там мои игрушки...

— Тигры не едят игрушек,— успокоила её Юля.— Они только людей едят.

— Глаза у него какие большие!.. А хвост... Висит прямо до земли!

Гурьбой, толкая друг дружку, мы поднялись на террасу. Тигрёнок расхаживал вдоль перил. Он старательно всё обнюхивал. После тряской дороги у него кружилась голова и пол уходил из-под ног. Он шатался как пьяный, часто садился и закрывал глаза. Но чуть только ему становилось лучше, он снова торопился обнюхивать.

С перил свешивался рукав ватной куртки. Тигрёнок уцепился за него лапой и сдёрнул вниз. Соня громко засмеялась. Он поднял голову и уставился на неё.

Теперь мы его хорошо рассмотрели. Он был с полугодовалого щенка сенбернара. У него была большая, широкая голова с круглыми зелёными глазами, широкий лоб и короткие уши. Передние лапы были тяжёлые и сильные, а задние гораздо тоньше. Туловище было худощавое и щуплое, и хвост длинный, как змея.

— Совсем ребёнок,— важно сказала Наташа.

И правда, он был ребёнок. Неуклюжий, маленький, одинокий, он прижался к ноге отца и потёрся об неё, как будто попросил: «Я здесь один, и я маленький, так уж ты, пожалуйста, не давай меня в обиду».

Принесли чашку с тёплым парным молоком. Тигрёнок налакался и оглянулся с довольным видом. На душе у него, видно, стало веселее. Он ещё раз обошёл террасу, перелез через порог и пошёл в столовую. Мы почтительно двинулись за ним.

В столовой тигрёнок тоже обнюхал все вещи, взобрался на низенький диван, растянулся на нём, откинул гордо хвост на валик дивана и прищурился на яркий свет лампы.

После сытной еды ему очень хотелось спать. Но он не засыпал, а всё время шевелил усами.

Стол накрыли для ужина, и в комнату вошёл отец. Тигрёнок обрадовался, вскочил на диване и потянулся к нему с каким-то ласковым мурлыканьем, очень похожим на тихое покашливание: «Ахм-хм-гм».

— Ишь ты! Слыхали? Засмеялся от радости,— сказала Наташа.

Отец погладил тигрёнка. Тот опять улёгся на место и задремал под шум разговора.

За ужином мы всё узнали про него. Звали его Васька. Его поймали далеко, за сотни километров от нашего дома. Ваське пришлось вынести длинный, тяжёлый путь. Почти половину дороги ехали на верблюдах. Васька ехал в большой корзине. От качающейся верблюжьей походки бедному Ваське становилось плохо. Его рвало, у него начинала идти носом кровь. Тогда отец часами шёл пешком и нёс тигрёнка на руках.

На привалах они укладывались спать рядышком. И тигрёнок так сдружился с отцом, что ни за что ни на минутку не соглашался без него оставаться.

Ужин кончился. Все разошлись на отдых. В столовой потушили лампу.

Васька крепко спал на диване и ничего этого не слышал. Но как только в доме всё затихло, он проснулся и поднял голову.

Темно... Тихо... И рядом с Васькой нет никого... И вот этот «страшный» тигр соскочил с дивана, забегал по комнате, натываясь на стулья, и заорал с перепугу: «Баум! Ба-а-ум!.. Ба-а-а-ум!..»

Отец и мама услышали его отчаянные крики, но они думали, что он покричит, покричит и успокоится. А Васька не унимался. Сначала он кричал зло и сердито, потом всё жалобнее и под конец стал умоляюще звать отца дрожащим от страха голосом. И мамино сердце не выдержало. Она зажгла свет и пошла вместе с отцом за тигрёнком.

Васька очень обрадовался. Бросился к отцу, обхватил лапами его ноги и стал их лизать и тереться о них головой. Ну конечно, его взяли к себе в спальню. Привязали на длинную цепочку под столиком, на котором стояла швейная машина, подостлали ему мягкий войлок. Васька улёгся и крепко, спокойно уснул.

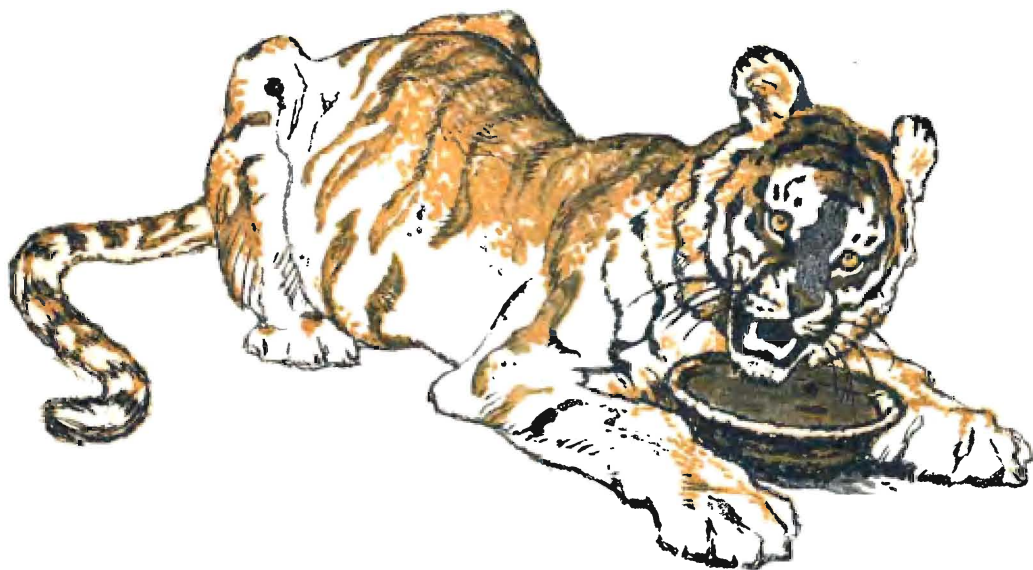
Прошло несколько дней. Казалось, что Васька всегда жил с нами: так все к нему привыкли.

И какой же славный характер был у него! Он никому не надоедал, не вертелся под ногами, не мешал. Целыми днями он играл в саду или хозяйственно обходил двор, конюшню и разные закоулки. А если устанет, придёт в столовую, растянется на своём диване и поспит.

Васька в точности знал время своего обеда. Бывало, только начнут ему наливать молоко или разбивать в миску яйца, а он уж тут как тут, идёт из сада.

— Вот, Наташа, учись! Васька и тот умеет узнавать время по часам, а ты до сих пор не можешь научиться,— дразнили мы младшую сестрёнку.

Кроме яиц и молока, Васька получал тот же обед, что и все в доме.

А как занятно он ел суп с пельменями или клёцками! Повывлавливает зубами все клёцки и разложит их рядком около миски, вылакает жидкий суп, а потом, на закуску, ест клёцки.

Во время еды Васька свирепел. Ложился на пол, клал лапы по обе стороны миски, и тут уж не подходи!

Раз сестра сунулась поправить ему что-то. Васька рывкнул в миску, подавился и тяжёлым ударом когтей рассек сестре руку.

Собаки были осторожнее нас и сами избегали подходить к тигрёнку, когда он ел. Один только дворняга Майлик отваживался соваться к нему в миску, и Васька, правда с ворчанием, позволял ему это.

Два месяца прошло с тех пор, как Васька сделался членом нашей семьи. Он заметно рос, набирался сил и уверенности. Движения его были ещё по-детски неуклюжи, но иногда, особенно когда Васька подкрадывался, становились вдруг очень быстрыми и ловкими.

Шерсть у Васьки блестела и лоснилась, как бархат. Она была золотисто-красного цвета с яркими чёрными полосами. Полосы доходили до живота. Живот был светло-серый, без полос.

Васька стал гладким и откормленным. Приятно было на него смотреть. Целый день он умывался и лизал свои лапы и живот, отряхивался и прихорашивался. В такие моменты он очень напоминал кошку.

В саду вырыли круглую яму около метра глубиной и шириной. Маленький ручеёк почти до краёв наполнял её водой. Приходила мама с мылом и щёткой. Отец приносил ведро или кружку, и появлялся Васька с целой оравой ребят.

Он очень любил купаться и этим совсем не походил на кошек.

Ваську поливали из кружки и намыливали зелёным мылом. Потом он лез в яму, становился в ней на задние лапы, а передние протягивал отцу, и начиналось мытьё. Его тёрли щёткой и руками, обливали, полоскали, а он, торжествуя, стоял в яме и сопел от удовольствия. Когда мытьё кончалось, он выбирался на траву, отряхивался, катался и прыгал на солнышке.

Много было с ним возни и хлопот, но зато какой он вырастал красивый!

Со всего города, из окрестных станиц и даже с гор приезжали люди поглядеть на нашего тигрёнка. Они звонили у ворот — мы бежали и отодвигали палку-засов.

— У вас, говорят, ручной тигр имеется? Можно посмотреть? Мы заплатим, если нужно, за посещение.

Нам сначала очень хотелось, чтобы они давали нам копейки. Один раз мы набрали так два рубля: по пятаку брали с человека. Но отец рассердился и

не позволил нам брать деньги, а только требовал, чтобы смотрели издали, не гладили Ваську, ничем его не угощали и не дразнили.

Нам нравилось, что взрослые люди спрашивали у нас позволения.

— А сколько вас, много? Ну ладно, станьте вот здесь, у ворот. Мы его сейчас позовём. Только смотрите не гладьте и не давайте ему ничего, когда он придёт.

— Хорошо, мы всё будем делать, как вы велите.

Они становились, как мы показывали, и всем было очень интересно.

Васька важно выходил из сада.

В первый миг посетители всегда шарахались в сторону, а он удивлялся и оглядывался на нас.

Мы успокаивали их:

— Ну что же вы испугались? Он ведь совсем ручной. Смотрите, он какой...

Мы клали ему в пасть руки, гладили по голове, за ушами и под подбородком. Поднимали его тяжёлую лапу и показывали зрителям ладонь.

— Глядите,— говорили мы,— все когти поджаты, и ничего такого нет, чтобы бояться.

Они смотрели на Ваську и не могли насмотреться. Потом он так им начинал нравиться, что они непременно хотели его погладить.

— Нет,— говорили мы,— погладить никак нельзя, потому что нам за это достанется.

— Ну, не достанется.

— Нет, обязательно достанется.

Но они всё приставали до тех пор, пока мы не прибавляли нарочно:

— И потом, кто его знает, ведь он же всё-таки тигр. А вдруг вцепится — тогда что мы будем делать?

После этого они сразу переставали просить.

...Мы, все четыре сестры, так ловко ухитрились родиться, что наши дни рождения приходились один за другим.

В день рождения всё-таки ведь полагается испечь пирог, позвать гостей и чтобы целый вечер был шум. Ну, и подарок какой-нибудь тоже надо. Один раз — это ещё ничего. А вот когда нужно четыре раза подряд печь пирог и четыре вечера устраивать шум, тогда это уж слишком. Мама от этого уставала и сердилась. Вот мы и решили: соединить все наши рождения в один день, но зато уж чтобы в этот день и пирог, и гости, и шум — всё было как следует.

Накануне этого торжественного дня мы старательно помогали маме: подметали двор и сад, мыли полы, взяли на себя самую трудную часть стряпни — заботу о нашем сладком пироге. Мы так сильно о нём беспокоились, что всё время пробовали начинку. Когда её осталось меньше половины, мама сказала:

— Ну хорошо, довольно помогать. Теперь я без вас справлюсь. Ложитесь спать.

А ещё позднее, когда мы уже крепко заснули, она тихо вошла в комнату и каждому под подушку положила подарок. Потом и она уснула.

Утром мы все, как только открыли глаза, сейчас же полезли смотреть под подушку. И каждая нашла именно тот подарок, какой ей больше всего хотелось: Соня — толстую книгу про всех животных, Брема, я — кукольный театр, Юля — ящик с красками для рисования, а Наташа — игру «Скотный двор».

Мы разложили подарки, стали рассматривать их и восхищаться. Мама радовалась вместе с нами.

А в это время к нам пришёл гость. Двери террасы у нас были открыты, и никто не слышал, как он вошёл в столовую. Это был сослуживец отца. Он подошёл к накрытому столу, полюбовался на наши

пирог и прочёл румяную надпись из теста: «С днём рождения, детки!»

«Ах, вон как! У них сегодня праздник», — сказал он сам себе.

Гость был маленький, щупленький человечек, но держал он себя очень важно.

С нами он здоровался только двумя пальцами и при этом страшно задира л вверх очки. Мы его не любили и потихоньку подсмеивались над ним.

Маленький и важный человечек стал разгуливать по комнате, напевая песенку. От его носового платка шёл запах крепких духов.

Вдруг кто-то совсем близко от него с отвращением сказал: «Ф-фу!»

Он оглянулся. Батюшки, кто это?

А это был Васька. Он очень не любил запах цветов и духов. Он сел на диване, понюхал ещё раз — фу, как нехорошо! У него даже морда скривилась. Язык сам собой высунулся, а вокруг носа сделались морщинки.

Бедный гость растерялся. Как хотите, а это же не шутка: сидит в двух шагах не птичка какая-нибудь, даже не собака, а настоящий тигр и строит тебе гримасы!..

Васька снова яростно чихнул и замотал головой. Дикому зверю никогда не понять, зачем это люди так резко пахнут. Звери, наоборот, стараются пахнуть как можно меньше, чтобы их не учуяли враги.

Гость с тоской поглядел на дверь: эх, хорошо бы сейчас удрать отсюда!

А Васька тем временем начал догадываться: должно быть, этот «мальчик» хочет с ним поиграть. Он слез с дивана, подошёл и гмыкнул, как будто спросил: «Ну хорошо, а как будем играть?»

Гость вздрогнул. Васька попятился. Его тоже начинали разбирать опасения. Человек вёл себя очень

странно: вздрагивал, не заговаривал ласково с Васькой, как это делали все остальные... Тигрёнок забрал одну лапу, другую, попятился к двери и стал на пороге.

— Ко-оше-чка, ми-лая! — заикаясь, пролепетал гость. — Уйди, милая, уйди!..

Он махнул носовым платком. Васька чихнул. Гость кинулся за стол.

Ну, наконец-то «мальчик» перестал топорщиться и заиграл!

Тигрёнок весело запрыгал вслед за ним. Гость взвился на диван — Васька за ним. Гость прыгнул с дивана на стол и присел между пирогами.

На минуту Васька потерял его из виду.

Вот тебе и раз! Так славно было разыгрались, и вдруг этот «мальчик» исчез куда-то.

Васька поднялся на задние лапы, положил передние на край стола и заглянул. Ах, вот он где! Сидит на столе и ждёт Ваську.

Тут тигрёнок от радости принялся выделять такие замысловатые прыжки, что у бедняги гостя зашевелились волосы на голове. Он потерял всю свою важность и отчаянно, как утопающий, завопил:

— Ка-ра-ул! Помогите! Спасите!..

Мы услышали эти вопли и, страшно перепуганные, кинулись на помощь. Влетели в столовую — и остолбенели: на праздничном столе, прямо между нашими сладкими пирогами, скорчился зелёный от страха гость. Он в ужасе тарашил глаза на пол, как будто оттуда на него надвигался разъярившийся мамонт. А там всего-навсего сидел Васька и топорщил от смеха усы.

Всю весну, лето и осень мы холили и пестовали Ваську. А когда листья на деревьях облетели и сад опустел, заметили, что Васька вырос большой.

Диван, если Васька растягивался во всю свою длину, становился для него уже мал.

Детские забавы он постепенно менял на другие: слезку, борьбу, прыжки.

Замашки настоящего тигра у него проглядывали и раньше: он очень любил подкрадываться, подкарауливать разных животных и птиц. С возрастом эти замашки становились всё резче и заметнее.

Особенно любил он стащить с кровати подушку, выкусить у неё угол и потом ударить по ней лапой: перья облаком летели во все стороны, и тогда можно было с силой зажать подушку в зубах и рычать.

Получалось полное впечатление охоты на дикую птицу. Мы сбегались на рыкание и заставляли Ваську на месте преступления: подушка на полу, Васька — на ней, и морда у него вся в пуху.

— Зубы у него чешутся, что ли? — ворчали мы, то и дело спасая от него разные вещи.— Ведь ни за что не пройдёт спокойно: всё ему нужно таскать в зубах и рвать.

И мы придумали выход: подарили Ваське игрушку — стоптанный маленький валенок. Мы возили валенок за верёвку, а тигрёнок ловил его, как кошка мышку. Поиграв, мы оставляли валенок в Васькиных зубах, и он служил затычкой для Васькиной пасти. С валенком в зубах Васька не портил других вещей.

Мы по-прежнему беззаботно играли со своим другом, но старшим всё чаще приходило в голову, что жизнь Васьки скоро должна измениться.

Однажды начальство нашего города вызвало к себе отца и объявило, что ему не разрешается больше держать тигра на свободе и он должен посадить его в клетку, а пока клетка не будет готова, привязать на цепь.

Пришлось исполнить всё, как было приказано. Первое время Васька никак не мог примириться с неволей и оскорблённо кричал: «А-ам, ахм, баум, баум!..»

Морда у него была такая расстроенная, что хотя и было условлено, что отпускать не будут, но мы потихоньку от взрослых, а взрослые потихоньку от нас отвязывали его.

Проходили дни за днями, а клетки всё не было.

На большую, надёжную клетку у нас не хватало денег, а заказывать плохую и тесную не имело никакого смысла: всё равно мы стали бы выпускать из неё Ваську.

Отец ждал новых неприятностей от городского начальства и ходил хмурый и сердитый. А тут, как нарочно, выискался один торговец — он поставлял диких зверей в зоологические сады. Вот он и пристал: продайте да продайте...

— Я буду его хорошо кормить, построю большую клетку. Ему будет у меня прекрасно. Сможете приходить к нему в гости.

Отец и мать долго крепились. Очень уж им не хотелось расставаться с Васькой. Но кормить его было дорого, и потом, недовольство соседей, которые начали придираться к Ваське, и ещё многое другое заставило их наконец решиться.

Мы сначала не поверили, что Ваську скоро от нас увезут, а потом подняли такой крик, что родители прогнали нас в сад. Туда же, в сад, явился и хитрый торговец. Он стал угощать нас конфетами, приглашал нас в свой зоологический сад и говорил, что очень любит зверей.

Кроме того, он просил нас рассказать ему про Васькины привычки и научить его, как надо обращаться с тигрёнком.

Мы сначала не желали даже разговаривать с

ним, но потом понемногу стали его учить, как кормить, как купать Ваську и как ухаживать за ним. И всё время мы подозрительно к нему приглядывались и брали с него бесконечное число клятв, что он будет Ваську любить.

— Да, впрочем, очень ему нужна ваша любовь! — «вежливо» прибавляли мы тут же и уходили, чтобы погоревать на просторе.

И вот наступил грустный час.

Осенним пасмурным днём, когда над голым садом без конца кричали стаи галок, во двор со скрипом въехала телега. На телеге была железная клетка.

Отец подшучивал над матерью, но у него самого дрожали руки, когда он отвязывал Ваську. Тигрёнок, испуганно прижимаясь к его ногам, взошёл с ним по доске в клетку. Отец вышел и захлопнул дверцу. Васька рванулся за ним, закричал и стал биться о прутья. Потом, жалобно мурлыча, просунул между ними лапы и протянул их отцу. Все домашние стояли вокруг молча, потрясённые Васькиным отчаянием.

Весть о том, что Ваську увозят, дошла как-то до нас. Мы побросали игрушки, вылетели во двор, оставили тронувшуюся было телегу и прижались лицами к прутьям клетки.

— Васька! Милый Васька! — твердили мы дрожащими голосами.

А Васька из клетки отвечал нам: «Уфф, уфф...»

У мамы на глазах были слёзы. А мы, как только телега двинулась, схватили свои пальтишки и, держась за её края, отправились провожать Ваську на его новую квартиру.

Там мы хлопотали до позднего вечера. Смотрели, как устанавливали огромную новую Васькину

клетку. Потом сами мыли в ней пол и насухо протирали его чистыми тряпками. Сено для подстилки мы хорошенько перетрясли и сбегали домой за привычным Васькиным войлочком. Насчёт миски мы сказали, чтобы мыли её получше, а то Васька не станет есть из нечистой посуды. И всё, что ему при нас приносили, мы очень внимательно проверяли.

Наконец всё было осмотрено и устроено. Васька был хорошо накормлен, и спать ему будет тепло и удобно. Пора было и нам возвращаться домой.

Мы все погладили нашего друга, взяли по очереди в свои руки его большую, тяжёлую лапу, крепко-крепко её потрясли и сказали:

— Не скучай, Васька. Завтра утром, чуть свет, мы опять прибежим к тебе!

РАЙТ

Он поселился у нас, когда мне исполнилось ровно три года. Мы с ним были ровесниками. Райт был тоже трёхлетка. Только он — премированный английский пойнтер¹ — был в ту пору уже в полном расцвете, а мне ещё часто помогали вытирать мокрый нос: нелегко управляться с платком человеку в три года.

Пока Райт привыкал, его одного не пускали на улицу. Отец брал его на сворку и гулял с ним в саду и под окнами.

¹ Пóйнтер — порода охотничьей собаки.

Я сидел на подоконнике и не мог налюбоваться Райтиком. Он был белый, с жёлтыми пежинами, мускулистый и сильный; глядел гордо и весело и, казалось, был всем на свете доволен.

Как-то утром, когда дома никого не было, я взял со стула шнурок, прицепил один конец к ошейнику Райта, а другой к своим брючкам и тоже повёл его, как большой, за ворота.

Райт тотчас же принялся обнюхивать пни и завалянки и потащил меня за собой в переулок.

Сначала дома меня не искали. Потом хватились. Мама заглянула в одну комнату, в другую... Обезала весь дом, поискала в чулане, на чердаке, под кроватями, покричала во дворе и в саду, побежала к соседям... Все стали раздумывать и гадать: что же такое могло с малышом приключиться?

Не свалился ли я в самом деле с окошка?! Если в сад—то ещё не беда, а вот если на улицу?! Проходили коровы, и меня «очень просто» мог и затоптать и запороть деревенский бугай...

От таких разговоров и утешений мама громко заплакала. Но тут кто-то припомнил, что недавно на выгоне резвился чей-то мальчонка с собакой.

Побежали на выгон.

Там, в траве, устав и наплакавшись, спал я. Райт сидел надо мною и тихонько скулил. Он давно отвызался и мог бы отлично уйти, но он видел, что его малолетка-хозяин совсем обессилел от беготни и с ним что-то неладно. Пёс остался на месте и грустил надо мною, а когда я уснул, охранял мой сон.

С этого дня зародилось во мне уважение к Райту. Оно стало гораздо больше, когда я подрос и увидел его на работе.

Каждой осенью к отцу собирались охотники. Вся артель уходила в заросли, в плавни, на утиный перелёт.

Хлопали ружья, хлопали по воде сапоги, собаки плавали вдоль островков, словно маленькие пароходики.

А охотники то и дело просили отца:

— Павло, а Павло! А ну, иди выручай! Моя собака никак не разыщет утку. Ты пошли своего Райтика. Этот найдёт!..

Райт охотно шёл в воду и никогда не возвращался без утки.

Высоко подняв голову, он бережно и старательно подносил добычу отцу и, словно не желая расстаться с мягким комочком, медленно укладывал её у хозяйского сапога.

— Вот собака! Вот это помощник! — восхищались охотники.

И я тоже ласкал славного Райта и гордился, что наша собака всегда всех выручает.

Год за годом... И вот нам обоим уже по десять лет. Райт стал старой, морщинистой, заслуженной собакой. Я — загорелым, здоровым мальчишкой.

— Ну, теперь ты взрослый, — сказал в день моего десятилетия отец. — Получай от меня подарок.

Он достал своё второе ружьё и разложил на столе полное к нему снаряжение.

— Тут в мешочках порох и дробь. Это ящик с патронами. Здесь два шомпола. Это сумка для дичи. Приучайся, сынок, промышлять. И Райтика моего можешь брать на охоту. Он тебя лучше всяких профессоров охотничьей сноровке обучит.

Я обернулся. Райт сидел, как всегда, у отцовского стула. Короткошёрстый, почти голый, белый с жёлтыми пежинами. Длинные уши свесились на морду, как жёлтые тряпки. На лбу он собрал многодумные складки и загляделся на мух у себя на хвосте и на лапе.

«Хам!» — он громко и неожиданно щёлкнул зубами. Мать вздрогнула и выронила чашку.

— А, чтоб ты сдох! — сказала она плачущим голосом.

Пёс задумчиво улыбнулся, развесил губу и пустил до самого пола струйку прозрачной слюны.

Ранним утром мы шагали через село. Райт воспитанно шёл у ноги. На одном плече у меня висело ружьё. На другом плече — сумка. А на поясе — патронташ с патронами. Мы направились через поля к просам и подсолнухам, где водились перепёлки.

Я взял ружьё в обе руки и скомандовал Райту:

— Вперёд!

Старый пёс сразу весь загорелся. Глаза у него стали тёмные, большие, уши насторожились, мускулы заиграли под шёлковой кожей. Он опустил голову и, помахивая своим прутом¹, стал искать. Челноком сновал он передо мною: слева — направо, справа — налево... И на повороте взглядывал, слежу ли я за его работой.

— Да-да, я вижу, — отвечал я ему еле слышно и кивал головой.

Стоп! Райт пригнулся, крадучись сделал шаг, другой и замер, подняв переднюю лапу.

Долго он держал перепёлку.

Наконец я поднял ружьё.

— Пиль!

Райт рванулся. Перепёлка взлетела. Я выстрелил. Райт помчался искать в бурьянах, за подсолнухами, возле снопов. Искал, искал, но ничего не нашёл.

От конфуза, что он, Райт, вдруг не может найти

¹ Прут — так называется голый мускулистый хвост пойнера.

дичи, он стал шумно дышать: «Ах-ах! Ах-ах...» Фыр-кал, чихал, волновался.

Он ещё и ещё раз внимательно обыскал всё до самого ничтожного кустика. Потом озабоченно уставился на меня.

«Представь себе, ничего не могу найти»,— сказала мне его расстроенная морда.

— А ты больше бы суетился,— ответил я, покраснев.— Что же ты ищешь, когда ничего вовсе и не падало? Умён больно!..

Райт прислушался. Поглядел куда-то вбок и чихнул...

Пошли дальше. Я второй раз послал Райта искать. Вот он снова присел, снова крадётся. Опять вытянулся и оцепенел над притихшей пичугой.

— Пиль!

Взлёт. Я старательно прицелился, аж язык высунул. Выстрелил. Снова Райт мечется по полю, ищет добычу, вопросительно смотрит сквозь бурьян на меня. И опять ищет, ищет, ищет...

Вот он вернулся. Сидит. На лбу — глубокие складки. Он старается сообразить, что это за охота такая. Почему ни одной перепёлки нет ни на земле, ни в сумке?

— Ну, чего ты расселся, лентяй? — кричу я запальчиво. — Ну, чего ты уставился? Узоры на мне нарисованы, да? Не попал и не попал. И не твоё это дело! Ступай дальше работай! Вперёд! Ну! Вперёд!

Райт — ни с места. Он нахально зевает. Чешет за ухом ногой...

— Я кому говорю?! Райт!..

Я ударил его ремнём по спине. От обиды у него затряслись губы и он стал приговаривать: «Аа-бу... бу... бу!»

Но после третьего моего позорного промаха пёс повернулся, заломил одно ухо назад и, не слушая ничего, побежал прямо к дому.

— Райт! Назад! Сейчас же назад! Райтик! Ра-а-а-а...

Я бежал за ним через поле, махал ружьём, кричал, уговаривал.

Собака решительно уходила от меня домой.

На бегу я споткнулся о камень и растянулся.

Это было уж слишком. Я громко, отчаянно заплакал и зарылся носом в траву.

«Умру, вот!.. И пусть этот бессердечный пёс радуется тогда у меня на могиле».

Вдруг что-то прохладное ткнулось мне в щёку. Это был Райт. Он вернулся, услыша мой плач. Он заботливо меня осмотрел, обнюхал и лизнул прямо в нос.

Я ухватил руками его губастую морду и выплакал ей всё своё горе. Райт ещё раз лизнул меня в губы, поискал зубами у меня на виске блох, и мы с ним, помирившись, снова отправились в заросли.

Я совсем не надеялся больше на свою стрельбу. Я понял, что никакое уменье не даётся так, сразу. Я только думал о том, что вот, например, в сказках случаются же разные чудеса! И со мной тоже может случиться — вдруг я попаду...

И ещё я думал, как бы мне так, незаметно, вернуться домой, чтобы меня не подняли на смех товарищи.

Пока я, прихрамывая, плёлся по полю, Райт кружил по кустам, фыркал, нюхал, оглядывался.

Один раз он убежал далеко за подсолнухи и минут пять пропадал там. Когда он показался снова, в зубах у него была перепёлка. Что это? Ведь я же не стрелял?! Откуда же он раздобыл птицу?

Райт положил добычу к моим ногам и приветливо повилил: бери, мол, не стесняйся!

Я понял, что, не надеясь больше на охотника, пёс сам поймал и задушил перепёлку.

Воровато оглянувшись, не идёт ли кто, я положил мёртвую птицу на камень и выстрелил в неё почти в упор. И «попал», разумеется, в цель.

Хитрый пёс второй раз подал её мне.

До заката мы с ним таким образом «убили» ещё двух перепёлок.

Солнце уже село, когда мы снова проходили деревней. Ушибленная коленка у меня сильно болела. Голодный живот сердито бурчал. Но вид был геройский. На плече висело ружьё, у ноги шёл всем известный, прославленный Райт, а из сумки висели головки «убитых» перепёлок.

— Сколько взял? — спросили мальчишки, столпившись для встречи у брёвен. — Кажись, небогато...

— Три штуки всего, — ответил я равнодушным, охотничьим голосом и скрылся в воротах.

А они от восхищения так и остались с открытыми ртами.

Я стал учиться стрелять. Возле грядок, за коноплями, был у нас маленький домик — уборная. Я нарисовал там на дверке бекасика и целыми днями за ним «охотился».

Каждый раз, когда я снимал со стены ружьё, Райт, кряхтя, вылезал из-под кровати и шёл вместе со мною к дощатому домику.

Я начинал палить и считать дробинки, а Райт бегал вокруг домика, искал в конопле, в крапиве и

всё удивлялся, на кого это я так упорно и глупо охочусь: стрельба, шум, а приносить нечего!

Зато во вторую нашу охоту я вскидывал ружьё, как настоящий охотник. За первым же выстрелом Райт поднёс мне комок в мягких перьях. Уже две перепёлки приятно оттягивали мою сумку. Райт восторженно хлопотал в бурьяне.

Мне казалось, что пёс стал смотреть на меня с уважением. Но тут... третья перепёлка улетела вслед за выстрелом. И четвёртая тоже не захотела почему-то упасть.

Райт нахмурился и повернул было к дому.

В это время в стороне где-то хлопнул выстрел. Райт помчался туда. И успел как раз вовремя. Чужой пёсик старательно нёс перепёлку хозяину. Райт сшиб его с ног, забрал у него дичь и без всяких стеснений приволок её мне.

— Ну, собака!.. Ну что за собака! — приговаривал я, засовывая в сумку неожиданный Райтов подарок.

Мы сделались неразлучными. Дома Райт не сидел уже возле отца. Он всюду искал меня, и я замирал от блаженства, когда он клал свою умную слюнявую голову на мои колени.

Я сам не знал, до чего я любил эту собаку!

Целыми днями мы с ним бродили по зарослям и пашням.

Теперь я стрелял много лучше и уже не боялся звать с собой на охоту товарищей.

Мы все почернели от солнца и полны были охотничьими приключениями, в которых первое место всегда занимал Райт.

Зимой мы помогали охотникам: загоняли зайцев. Только Райт с нами не выходил.

Он зимой всегда зяб и дрожал. У него была очень короткая шерсть, а живот — почти голый.

Он встречал нас восторженным лаем, вертелся, прыгал и стучал своим гибким хвостом по коленям и стульям.

На крыльце повисали убитые зайцы. В комнате сильно пахло от ружей жжёным порохом, дичью, псиной и мокрыми портянками. В печке пылали дрова. И у меня после холода нос разгорался, как голень.

Мы любили рассказывать, что было с нами в степи, на охоте. Все смеялись, расспрашивали. Райт обязательно садился напротив меня и слушал. Если я говорил про него, он стучал своим голым прутом об пол. Когда разговор затихал, Райт закрывал глаза и, засыпая, покачивался из стороны в сторону.

— Шёл бы ты спать, старичок,— пытались согнать его с места родные.

Райт встряхивал головой, бурчал, упирался и снова внимательно слушал, пока не начинал опять кунять носом.

На другой год родители устроили меня в городскую школу, за сотни километров от нашей деревни. Отец сам отвозил меня на станцию.

— А с учителем своим ты попрощался? — спросил он, когда мы с вещами сходили с крыльца.

Райт сновал между домашними. Отец свистнул ему.

— До свиданья, Райтик,— сказал я и протянул ему руку.

Он серьёзно вложил в неё лапу. И тут, словно поняв, что я уезжаю, кинулся мне на грудь.

В школе все мои одноклассники знали о подвигах Райта. Я всем показывал его карточку.

— Вот приедете на лето к нам в деревню, увидите его сами,— говорил я друзьям.

И мы все вместе мечтали о будущих наших охотах.

В каждом письме мне писали о моём верном товарище, и я всегда посылал ему свой привет.

Но вернуться домой мне пришлось только через три года.

Мы с товарищем не стали дожидаться подводы и отправились со станции пешком. Нам навстречу с крыльца бросились родные. Прибежал какой-то чужой, золотисто-коричневый пёс, с волнистой мягкой шерстью. Повилял, попрыгал, порадовался.

— Это новый, ирландский сеттер. Отцу в премию дали. У него золотая медаль есть и грамота. Красавчик на редкость и очень культурный.

— А где же наш Райтик? — спросили мы разом.

— Райт совсем постарел: глухой стал, да и видит неважно. Вот он тоже бежит.

По половицам застучали когти. Сгорбленный и седой, в комнату вбежал Райт. Я его приласкал. Он потёр об меня один бок, другой, пробубнил: «Аа-бубу» — и улёгся на солнышке.

— Он тебя не узнал, — догадались родные. — Он ко всем теперь так ласкается.

Не узнал! Выжил старый из памяти. Я вздохнул. Райт лежал на полу и дремал. Не узнал!

За обедом ко мне подошёл новый сеттер. Я погладил его, и он сел у моего стула.

Райт поднялся. Рывкнул и сразу отбросил его к двери. После этого он потоптался на месте, поглядел мне в лицо и обрадованно сунул ко мне на колени свою голову.

— Нет, узнал! Ишь узнал как! Другого никого ко мне не подпускает.

Да, Райт вспомнил меня. В этом я убедился.

На другой день, когда все ещё спали, мы с товарищем улизнули на охоту с золотистым Красавчиком.

С первого выстрела мы убедились, что он ника-

кой нам не помощник: то он поднял птицу раньше, чем нужно, то спугнул её ненароком. Уши у него развевались, хвост суетливо вилял, глаза были невнимательные, и весь он — оголтело-весёлый и непослушный.

— Привязать его мало на цепь, этакую дворнягу! — огорчённо сказал мне товарищ. — Только зря распугивает всю дичь...

Мы, измучившись, сели на землю и стали думать, куда нам податься теперь. Вдруг на бахчах закачались подсолнухи. На открытое место вышел кто-то белый и важный.

— Райтик! — крикнули мы.

Райт услышал и радостно кинулся к нам.

Первым делом он откатал по земле злополучного сеттера и велел ему «не соваться вперёд батьки в пекло». Потом, прочитав у меня на губах команду «вперёд», весь зажёгся, помолодел и уверенно зашновал передо мною: слева — направо, справа — налево.

Стойка. Выстрел. Товарищ мой в полном восторге пошёл колесом и скорчил отчаянную рожу золотистому франту.

Перепёлка упала близко возле Райта, и он торжественно подал мне птицу.

— С полем, Райтик! С полем, верный, старый товарищ!

Мы взглянули на сеттера.

— Вот учись, рыжий неук! Следи, наблюдай и во всём подражай.

Щенок не вынес стыда, повалился на спину и жалко откинул заднюю ногу.

Мы все весело двинулись дальше.

Снова стойка. И выстрел. И опять Райт приносит добычу...

Третью птицу нашёл и по всем правилам замер над нею, поджав лапу, щенок.

Товарищ прицелился. И Райт, отобрав у щенка перепёлку, вручил её мне.

Мы решили тогда разделиться. Товарищ с Красавчиком двинулись влево, а мы повернули направо.

Вскоре Райт опять отыскал и поднял для меня перепёлку.

Только что это с ним? В смятении он ищет убитую птицу и не может найти... Спотыкается, мучительно дышит: «Ах-ах!.. Ах-ах!»

Перепёлка упала за кочкой. Вон она там лежит, а старик уже в третий раз пробегает мимо неё.

Он не чует её и не видит.

Я украдкой достал перепёлку и подложил ему на пути. Так уж Райт не сможет её не заметить! И он правда сейчас же наткнулся на птицу и, роняя её от спешки, подал мне.

Долго Райт держал перепёлку в зубах. Он вилял, словно радовался, что сегодня я бью без промаха, не мажу позорно, как мазал когда-то, в первые наши охоты...

Славный, славный старик!..

Подбежал мой товарищ.

— Что? Ещё перепёлка? Вот это работа! Молодчинище Райт!

А я повесил ружьё на плечо и не стал больше стрелять. Мы в тот день просто долго бродили по плавням. Побывали на озере. Обошли все любимые наши места...

Это было в последний раз. Райт их больше уже не увидел.

СОДЕРЖАНИЕ

Тигрёнок Васька	3
Райт	18

Для младшего школьного возраста

Ольга Васильевна Перовская

ТИГРЕНОК ВАСЬКА

Рассказы

ИБ № 7184

Ответственный редактор *М. С. Ефимова*. Художественный редактор *М. Д. Суховцева*. Технический редактор *И. П. Савенкова*. Корректор *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 05.05.83. Подписано к печати 21.12.83. Формат 70×100^{1/16}. Бум. офс. № 2. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,6. Усл. кр.-отт. 6,5. Уч.-изд. л. 1,57. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 2195. Цена 5 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «Читаем сами». В 1984 году в этой серии выйдут следующие книги:

Благинина Е.

ВОТ КАКАЯ МАМА

В книгу вошли стихи: «Снегурочка», «Эхо», «Гори-гори ясно», «Радуга», «Черёмуха» и др.

Богданов Н.

ХОРОШАЯ ПОСЛОВИЦА

Рассказы о Великой Отечественной войне.

Заходер Б.

ЗВОНКИЙ ДЕНЬ

Весёлые стихи.

Катаев В.

ЦВЕТИК-СЕМИЦВЕТИК

В книгу включены две сказки: «Цветик-семицветик», «Дудочка и кувшинчик».

Скребицкий Г.

ЛЕСНОЙ ГОЛОСОК

Рассказы о природе, о птицах, о бережном отношении к ним человека.